

Ф. Дж. Коттэм

«Дом потерянных душ»

Моим дочерям и сыну, с любовью и гордостью

1

Гуль, октябрь 1995 года

Ирония судьбы состояла в том, что Ник Мейсон умел прекрасно маскироваться. Точнее, это было даже не умение, а своего рода талант. Он обладал инстинктивной способностью прятаться, что было частью его ремесла.

Мейсон следил за сестрой из укрытия. Смертельно бледная, она стояла у края могилы всего в каких-нибудь ста футах от него. Но Ник совершенно не боялся, что его могут обнаружить. Он был абсолютно в себе уверен. Ему не единожды приходилось проделывать то же самое, и при этом он умудрялся оставаться в живых.

Ирония судьбы состояла и в том, что он никогда не предполагал, что ему придется использовать свои навыки для слежки за родным и близким человеком. Но это случилось. И вот он следит за своей маленькой сестренкой. Чутье подсказывало ему, что он все делает правильно. Ведь это для ее же блага. Была в том ирония судьбы или нет, но его умение терпеливо ждать оказалось как нельзя более кстати, чтобы успешно выполнить задуманное.

Азы мастерства Ник осваивал в восьмидесятые, в Северной Ирландии. И уже тогда он заметил, как любят пэдди [\[1\]](#) ходить на похороны. Они считают своей святой обязанностью достойно проводить мучеников в последний путь. По натуре меланхоличные, пэдди ищут любой удобный повод, чтобы всласть погоревать. Ни одни значительные похороны не обходятся без участия известных личностей. Наблюдая за тем, как ведут себя пришедшие на похороны, за языком их жестов, можно многое о них узнать. Ты смотришь, как они здороваются, как обмениваются соболезнованиями, и тебе становится понятна их иерархия. Ник проводил к месту последнего упокоения не одного героя ИРА, надежно укрывшись от посторонних глаз, совсем как сейчас. Иногда бывало и такое, что всего лишь фут отделял его от парней, стоявших в почетном карауле. Порой он находился так близко, что мог точно сказать, сколько рюмашек они

пропустили для храбрости по дороге в церковь.

Впрочем, похороны эти отличались от тех, что он видел раньше. Это уж точно. Во-первых, на них присутствовала его сестра — скорбная фигурка в черном пальто. Она стояла, крепко сжав руки, и горькие слезы текли по ее бледному личику, покрытому красными пятнами. Она не разрешила себя сопровождать. И ему пришлось подчиниться. Вот почему сейчас лицо его было разрисовано камуфляжной краской, а сам он для маскировки накинул сетку, совсем как снайпер на боевой позиции. Вот почему он был в пятнистой защитной форме и уже больше двух часов сидел не шевелясь в небольшой ложбине под грудой буровато-рыжей октябрьской листвы, невидимый за густыми колючими кустами.

Похороны эти отличались от остальных не только потому, что на них присутствовала его сестра. Наблюдать за погребальной процессией, направлявшейся к кладбищу, для Мейсона было все равно, что смотреть фильм, в котором не доставало отдельных кадров. В неверном свете дня движения людей казались нечеткими, и было трудно уловить суть происходящего. У похорон есть своя зловещая хореография. Даже в Белфасте проводы в последний путь погибших боевиков проходили неспешно, в раз и навсегда заведенном порядке.

Здесь же, едва процессия вышла из церкви, один из несущих гроб вдруг пошатнулся. Он согнулся, уперев руки в колени, и его вырвало. Остальные несущие гроб — спотыкающиеся, с бледными лицами — выглядели ничуть не лучше. Их явно мутило, но они старались не оплошать. Родители усопшей, похоже, ничего не замечали. Мейсон, который знал, каким образом девушка лишила себя жизни, старалсяшний раз на них не смотреть. Священник, весь в испарине, шагал за гробом на негнущихся ногах, точно шел навстречу собственной смерти, и одышливым голосом читал литургию.

Было что-то неправильное и в звуках, сопровождавших церемонию. Церковный колокол звучал глухо, не в лад, словно его звон доносился издалека. До слуха Ника долетала и органная музыка, придушенная церковными сводами. Как ни странно, ее перекрывали обрывки других мелодий, напомнившие рэгтайм, некогда так любимый его дедом.

Освещение было обманчивым. Мейсону пару раз померещилось, будто

мелькающие кадры медленно движущейся толпы служителей церкви, скорбящих и устроителей похорон вдруг стали черно-белыми. Нику показалось, что он видит людей в цилиндрах и жестких крахмальных воротничках. Скорбная процессия с черным гробом на пути к месту последнего упокоения, окруженная толпой плакальчиков в черных одеждах.

Мейсон протер глаза. Он знал: зрение тут ни при чем. Снова взглянув на процессию, он убедился, что в ней нет ничего необычного. Погибшая девушка заканчивала свой жизненный путь у края могилы.

Погода стояла какая-то странная. Порывы ветра закручивали пожухлые листья среди могил, образуя на траве замысловатые узоры, словно в калейдоскопе. Ветер этот, теплый и капризный не по сезону, нес с собой странный запах — слабый, но тошнотворный. И все же самое странное зрелище представляли собой девушки. Их было трое, оплакивавших свою усопшую подружку. Точнее, две девушки и одна женщина, ибо американка была на несколько лет старше сестры Мейсона и студентки из Мерсисайда. Но это не имело значения, так как их объединяли молодость, общее горе и принадлежность к студенческому братству. И все же Ник упорно продолжал считать, что их четверо.

Мейсону уже приходилось слышать о произвольном внимании. Эту чрезвычайно полезную дисциплину армейские психологи вбивали в головы тех, кому предстояло участвовать в боевых действиях. Природа беспорядочна по своей сути, а организованное поведение человека — нет. Члены ИРА хотели, чтобы окружающие считали их хладнокровные убийства стихийными проявлениями героизма, хотя все прекрасно понимали, что действия были заранее отрепетированы и доведены до совершенства. Развитие произвольного внимания помогало обнаружить ничем не примечательную машину, слишком часто мелькавшую в зеркале заднего вида или приветливого человека то и дело попадавшегося на пути. Оно помогало определить победителя в толпе людей у игрового автомата или угадать ключевое слово кроссворда. А еще оно помогало спасти свою шкуру.

Опыт подсказывал Мейсону, что в картинке на кладбище было что-то неправильное, что-то явно было не так. Но стоило ему пристально взглянуться в толпу скорбящих, как нечто важное тут же ускользало от него,

словно растворяясь в жарком мареве. Что само по себе было странным. Никакого марева не было и в помине! Но были убитые горем члены семьи, напоминавшие ходячих мертвецов, был явно напуганный священник, и были служащие погребальной конторы, все как один занемогшие от неизвестной хвори. Вот и среди девушек маячила лишняя фигура. Мейсон рискнул пошевелить рукой, чтобы протереть глаза, воспалившиеся от пыли и листьев, которые швырял ему в лицо ветер. И вдруг он почувствовал, как земля под ним пульсирует, словно кто-то хлопает в холодные ладони.

Ник никогда особенно не задумывался о смерти. Он убил трех человек в Ирландии и еще двух в Центральной Америке. И ни об одном из них ни разу даже не вспомнил. В Колумбии он попал в засаду, устроенную боевиками Медельинского картеля. Тогда их полк помогал янки решать проблемы с наркодельцами. Мейсон ходил в атаку и был дважды ранен. Все было просто: или убьешь ты, или убьют тебя. Но Северная Ирландия — особый случай. Эта провинция вела гнусную, затяжную, зачастую невидимую войну. Нику не в чем было себя упрекнуть. Его даже наградили медалью. И за все это время совесть ни разу не напомнила о себе. Мейсон мог честно сказать, что никогда и ничего не боялся.

Зато теперь страх не отпускал его. Душил. Мейсон снова взглянул туда, и в тускло мерцающем свете ему померещилась упряжка всхрапывающих лошадей с черными плюмажами на голове. Лошади везли дроги со стеклянным гробом. Ник моргнул — и видение исчезло, но земля под ним по-прежнему содрогалась, словно там шла какая-то своя жуткая внутренняя жизнь. И Мейсон понял — это бьется его собственное сердце. Его сковало от холода и напряженного ожидания чего-то страшного.

Потом он услышал, как закричала у могилы сестра. Да, это была Сара. Крик ужаса и смятения, принесенный порывом зловонного ветра, пронзил сердце Ника.

2

Пол Ситон понял, что оно вернулось, когда порыв ветра яростно обрушил поток дождя на окна автобуса. Они как раз застряли в вечерней пробке посреди Вестминстерского моста. Шквалистый ветер бил по стеклам, оставляя на них мутные потеки. Видавший виды «рутмастер» вздрогнул, и Ситон все понял. В том, что в промозглый лондонский вечер в начале ноября шел дождь, не было ничего удивительного. Он лишь подчеркивал унылость этого времени года. И Пол сразу почувствовал, что-то, от чего — как он очень надеялся — ему однажды удалось избавиться, вернулось и теперь охотится за ним.

Он встал и, протиснувшись сквозь толпу стоящих пассажиров, сошел на мокрую лондонскую мостовую. Ветер свистел в ограждении моста. От проливного дождя брюки Ситона быстро промокли, прилипли к ногам и хлестали по икрам и лодыжкам в такт ходьбе. Ткань стала холодной и словно жирной на ощупь. Ветер трепал намокшие волосы Пола, а потоки воды обрушивались на голову, ручейками стекая за воротник пальто.

Он направлялся на юг, и знаменитая панорама — волшебный вид на палату общин и башню с часами — осталась справа за фырчащей вереницей автобусов. Река находилась слева. Но он поборол в себе искушение бросить взгляд в ту сторону. Ситон не смотрел на реку до тех пор, пока не достиг подножия моста и под окаменевшим взглядом выцветшего Саутбэнкского льва не спустился по ступенькам прямо на набережную. Там он украдкой взглянул на статую на постаменте, на знакомые очертания свирепой львиной морды. Дождь струился по каменной гриве, капал из уголков глаз.

Река от дождя покрылась рябью. Промокшего насквозь Ситона начал бить озноб. Чтобы успокоиться, он перевел взгляд на фонари, вытянувшиеся вдоль набережной, но в этот вечер их свет почему-то не радовал. Высота прилива пугала: вода в бликах света подступила слишком близко. На этом участке набережной Темзы львиные пасти украшали внушительные швартовые кольца, которые успели позеленеть от водорослей. Сейчас с высоты парапета эти свидетельства укрощения бронзового прайда были

скрыты от глаз Ситона. Когда вода в Темзе поднималась, то доставала до колец в львиных мордах, что позволяло судить о высоте прилива. Ситон подумал, что сегодня вечером хищники, охраняющие набережную, наверняка ушли под воду. Река затопила их. Ситону даже показалось, что он слышит позвякивание металлических колец.

Он взглянул на воду. Резкий порыв ветра взъерошил широкую темную полосу на ее поверхности, не затронув бескрайней черной глади. Мимо него течение проносило разрозненный мусор, полузатопленные обломки, которые в неверном свете фонарей сквозь пелену дождя приобретали странные очертания. Он все стоял и смотрел на реку, как вдруг увидел в воде нечто бесформенное, похожее на тряпку. Это «что-то» не отражало, а поглощало падающий на него свет. Его все ближе прибывало к берегу, и Ситон решил, что это, должно быть, чья-то одежда или кусок темной ткани (скорее всего, габардина), выброшенный за ненадобностью. Пола удивило, как может тряпка так долго держаться на поверхности. Но тут он увидел, что качающийся на волнах бесформенный сверток — это мертвое тело, и понял, почему ткань так долго держалась на плаву. Так и не приблизившись к берегу больше чем на тридцать футов, тело еще раз показалось на поверхности воды и исчезло в волнах. Ветер с дождем донес до Пола знакомый запах: почти забытый дегтярный дух дымящих пароводных труб, смешанный с вонью пеньки и нефтяных пятен на прибитой к причалу речной пене. Впрочем, едва появившись, этот запах исчез, словно его и не было.

Ситон поежился — дождь, проникший сквозь одежду, казалось, уже начал пропитывать тело и даже кости. Подняв воротник пальто, Пол решительно развернулся, собираясь идти домой, благо жил он недалеко. Этот ненастный день не сулил ему ничего хорошего. Зазвучавшая вдруг музыка пригвоздила его к месту. Ситон прислушался к доносившемуся с реки обрывку печальной мелодии. По телу поползли мурашки. Мелодия была старая, можно сказать, очень старая и хорошо знакомая. Надтреснутый голос из радиоприемника с чувством тянул песню шестидесятилетней давности «Скажи мне, кто теперь ее целует».

«Если обернусь, — подумал Ситон, — то непременно увижу прогулочное судно и гротескные фигуры отдыхающих за запотевшими стеклами в освещенном салоне. Все-таки ноябрь на дворе...»

В эту пору всюду готовились к Рождеству, и кое-где проходили корпоративные вечеринки. В глубине души Ситон не сомневался, что, обернувшись, он ничего подобного не увидит. Не было там никакого прогулочного судна. По мере того как песня за его спиной звучала сквозь пелену дождя все громче, он, казалось, уже мог различить шуршание старой записи, потрескивание иглы о пластинку на старинном граммофоне. Песня звучала для него одного. Но меньше всего он хотел увидеть то, что эта музыка сопровождала. Пол не обернулся. Он с удивлением понял, что вполне способен двинуться прочь от реки с ее звуками, тем самым невольно ответив на вопрос, поставленный в названии песни.

«Я не знаю, кто теперь ее целует, — сказал он себе, уходя. — Зато точно знаю, что не я и никогда больше не буду этого делать».

Предчувствие, охватившее его еще в автобусе, было невероятно сильным. Когда он вернулся домой, на автоответчике мигал огонек. Ситон редко получал сообщения. И поэтому сразу же забыл о привидевшемся ему на реке трупe в габардиновом облачении.

Ситон жил в двухкомнатной квартирке на последнем этаже семиэтажного дома в Ватерлоо. В ветхом здании был один-единственный воняющий мочой лифт, постоянно требующий ремонта. Но сегодня вечером лифт, как ни странно, работал. Ситон открыл дверь, стараясь не обращать внимания на затхлый запах, типичный для дешевого съемного жилья. Закрывая за собой дверь, он краем глаза следил за мигающим в гостиной зеленым огоньком автоответчика. Наверху ветер задувал сильнее, и Ситон слышал, как дождь стучит по стеклам. Именно вид из окна гостиной и заставил его когда-то снять эту квартиру. Ее местоположение затрагивало какие-то струны его души. Квартирная плата также была немаловажным фактором. Но все решил вид из окна просторной гостиной. Ради него Ситон готов был пренебречь непрезентабельностью, почти убогостью этого жилья.

Он прошел в комнату мимо призывно мигающего автоответчика, подошел к окну и сквозь ночную тьму посмотрел на город. Здание находилось на южном конце Морли-стрит. При нем был ухоженный садик, обнесенный низкой оградой и выходящий на Сент-Джордж-роуд. Напротив тянулась череда четырехэтажных георгианских домов. Слева нависала громада католического собора. Еще через квартал, чуть правее, за колышущимися ветвями деревьев можно было различить подсвеченный прожекторами

купол Имперского военного музея. Рядом с домом Ситона, с тыльной стороны собора, призывно сверкали огни бара. Когда-то это был паб, но затем его безвкусно перекрасили и переименовали в «Занзибар». По вечерам Ситон иногда заглядывал туда, хотя в качестве паба он ему нравился больше. Но пиво было холодным, а персонал — в меру приветливым. Район был весь пронизан ассоциациями с его некогда счастливым прошлым. И в этом Пол находил утешение.

За спиной в темноте пульсировал зеленый сигнал автоответчика. Он явно не собирался успокаиваться до тех пор, пока Ситон не прослушает сообщение.

Или не сотрет его.

«Я всегда успею его стереть», — подумал Пол.

Оконное стекло вдруг помутнело от дождя. Ситон моргнул и попятился.

«Но чего я добьюсь, стерев это сообщение? Выиграю лишний час счастливого неведения? И не такие, как я, вступали с этим в противоборство, и что с того? От него нигде не скроешься».

Приняв наконец решение, Пол стал уговаривать себя отойти от окна, как вдруг телефон за его спиной зазвонил.

Ситон не шевельнулся. Он дождался, пока дребезжание утихнет, и только тогда обернулся, подошел к телефону и прослушал сообщение:

«Здравствуй, Пол. Я должен кое-что сказать тебе по поводу дома Фишера».

Голос принадлежал Малькольму Коуви.

Обстановка гостиной была скудной и унылой. В нее в числе прочего входили два кресла. Ситон тяжело опустился в одно из них. Коуви молчал, видимо, для создания должного эффекта. Хотя, скорее всего, он просто давал Ситону возможность оправиться от шока. Вот уже двенадцать лет, как Пол не встречался с Коуви и не получал от него вестей. А теперь всего в девяти словах тот выложил суть дела.

«Извини за беспокойство, но у меня действительно нет выбора. Я,

возможно, как и ты, был уверен, что от того места давно и камня на камне не осталось. Но оказалось, что это не так. Пару недель назад там побывала группа студентов».

«Их туда заманили», — мысленно возразил Ситон.

На другом конце линии у Коуви играла музыка. Определенно Гендель с его характерными паузами. Затем там все стихло. У Ситона же звуковое сопровождение составлял шум машин и отдаленный рев идущего на посадку «Боинга-747».

«Одна из студенток уже мертва. Остальные находятся в жутком состоянии. Всего их там было четверо».

«Пятеро», — подумал Ситон.

«Пятеро, — добавил Коуви, — если считать преподавателя, который вроде бы их курировал. Именно этот придурок и отвел их туда».

Ситон сжал голову руками.

«Пол, ты мне нужен. Ты им нужен. Сейчас нет времени на отговорки. — Коуви помолчал. — Тут неподалеку, почти у твоего дома, есть бар с несурзным названием».

«Бар „Занзибар“», — мысленно добавил Ситон.

«„Занзибар“, — усмехнулся Коуви. — Кто бы мог подумать, Пол? И это в Саутуорке!»

Но мысли Ситона уже были далеко, в доме Фишера.

«Давай встретимся там сегодня часов в восемь. Пол, прошу тебя, приходи! Ради бога, приходи!»

Ситон выбрался из кресла, думая о том, что Бог вряд ли имеет какое-то отношение к тому, что когда-то происходило в имении Клауса Фишера и в стенах его мрачного дома. Пол вернулся к окну и посмотрел на часы. Циферблат вспыхнул в сиянии уличных огней. Некоторое время Ситон безразлично прислушивался к вою проносящихся внизу машин. Стрелки

показывали без четверти восемь.

Честно признаться, в этой жизни ничего его особенно не держало. Он жил на съемной квартире в многоэтажке, провонявшей жареным луком, застарелой спермой, мышиным пометом и сыростью. Он ездил на метро на работу в Британский музей, где ему платили сущие гроши — несколько сотен фунтов в месяц за сбор сведений, которым слишком ленивые писатели не хотели себя затруднять. У него не было ни персонального компьютера, ни кредитной карты, ни приличного костюма. У него не было даже телевизора. Единственное развлечение — подержанный кассетный плеер с развала на Лоуэр-Марш-стрит. Но и плеер Ситон не слишком часто слушал, так как сохранившиеся у него записи будили невыносимо тяжкие воспоминания.

Пол включил плеер и поставил «Everything But the Girl». Услышав первую песню альбома группы «Эдем»,^[2] он опустился на колени, закрыл лицо руками и горько заплакал от жалости к себе. Он прятался в нежно любимом им квартале, памятном по дням юности. Он укрывался в нем потому, что когда-то обрел здесь веру в себя. И счастье. И еще потому, что теперь эти знакомые улицы и теплые воспоминания были для него единственной отрадой. Если вдуматься, то его прошлая жизнь была совсем пустой, но другой у него никогда не было. И теперь он боялся, что вторжение Малькольма Коуви может все это отнять.

Сначала выходишь из лифта и с риском для жизни устремляешься через Сент-Джордж-роуд, наперерез мчащемуся потоку машин. Затем через ворота попадаешь в проулок и, минуя собор, направляешься к бывшему пабу. Зловещая громада храма превращала этот короткий путь в испытание. В проулке не было ни одной живой души. Листья и городской мусор кружились и сбивались в кучи на ступенях и в темных закутках. Это место казалось пронизанным атмосферой готики, а архитектура каменного здания наводила на мысль о склепе. Перед глазами Ситона мелькали странные очертания каких-то фигур, вертлявые тени, блуждающие во тьме. Послышался чей-то резкий смех — то ли презрительный, то ли язвительный, — и Пол ускорил шаг, хотя и решил, что это, скорее всего, визг тормозов на соседней улице или завывание осеннего ветра в выступах и нишах здания.

Малькольм Коуви сидел и курил сигару. Даже в битком набитом баре он

ухитрился занять свободный столик и держал место для Пола. Казалось, за истекшее десятилетие он совсем не постарел, а стал еще импозантнее. Его волосы и борода благородно серебрились. Коуви и раньше выглядел представительно, но теперь его фигура приобрела некую особую значимость. Свое объемистое тело он облачил в застегнутый на все пуговицы темно-серый костюм-тройку. На пухлой руке красовались два кольца одно — гладкое золотое, а второе — с крупным рубином. Словом, Коуви производил впечатление человека обеспеченного и вполне довольного жизнью. Но только до тех пор, пока не открывал рот. Его голос слегка изменился из-за избыточного веса и бесчисленного количества гаванских сигар, выкуренных за все эти годы. В нем слышались сипловатость и одышка, которых не было раньше и которые никак не проявились в телефонном сообщении.

Пол знал, что страдает излишней сентиментальностью и любит вспоминать прошлое. Но сидящий перед ним человек не будил в нем ни одного из этих чувств. Ситона совсем не радовало возобновление давно утраченного знакомства. Это отчасти объяснялось стремительностью, с которой Коуви снова ворвался в его жизнь. Но скорее всего, тем, что Пол всегда испытывал к Коуви двойственное чувство. Трудно симпатизировать тому, кому твой внутренний голос велит не слишком доверять.

— Вы хорошо выглядите, Малькольм. Наверное, в таких случаях положено говорить: «Рад встрече».

Коуви, пыхнув сигарой, кивнул, затем встал, поздоровался с Ситоном за руку и снова уселся на место.

— Ты тоже. С учетом всех обстоятельств. А мог бы выглядеть как из преисподней.

— Благодарю.

— Туда, Пол, они и направлятся. Те девушки, которые навестили дом Фишера. Если только ты не захочешь им помочь...

Ситона передернуло.

— Я был жертвой, а не противником, Малькольм. Я проиграл. Хотя и выжил. Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Выжить в той ситуации — это тоже своего рода победа.

— Если бы вы сами там побывали, то так бы не говорили. И на моем месте вы думали бы как раз наоборот.

— Возможно, вернувшись туда, ты сможешь наконец поставить точку.

— Я к этому не стремлюсь.

— Я сделаю для них все, что в моих силах, — насупился Коуви. — Просто не знаю, достаточно ли я для этого вооружен. Три студентки хоронили свою подружку. И все они видели ее там.

— В открытом гробу? — не понял Ситон.

— Нет. Она тоже пришла туда, — ответил Коуви. — Девушки в один голос уверяли, будто видели ее среди скорбящих. Тогда каждая из них сочла, что это помрачение рассудка, вызванное нервозностью и горем. Так или иначе, все они были потрясены и сильно расстроены. У той, которая впоследствии пыталась покончить с собой, было самое страшное видение. Мертвая подружка бродила у вырытой могилы в шляпе с вуалью, искривленный рот изрыгал беззвучные проклятия, а из-под остроносых кожаных туфель в яму сыпался песок. Потом девушки сравнили свои впечатления. И тогда начался суший кошмар.

Ситон сидел и обдумывал услышанное.

— Когда они ходили в дом Фишера?

— Около трех недель назад. Та, которая умерла, покончила с собой через неделю, и еще через неделю ее похоронили.

— А другая, неудавшаяся самоубийца?

— Пыталась свести счеты с жизнью на третий день после похорон, — ответил Коуви. — Ее уже выписали из больницы. Сейчас она понемногу поправляется в доме своего брата в Уитстейбле.

— «Поправляется» надо понимать фигурально? — вставил Ситон.

В ответ Коуви только пожал плечами.

— И что они там делали?

— Уж точно не паранормальные явления изучали, — сказал Коуви. — Это студентки обычного университета в Суррее. У заведения государственная лицензия и финансирование. Его дипломы везде котируются.

— И нанимает на работу придурков, — заметил Ситон.

— Тот придурок, которого ты имеешь в виду, преподает этику, — парировал Коуви. — А девушки учились, то есть учатся, на философском факультете. По всей видимости, они исследовали диапазон возможностей зла. И добрались в рассуждениях до коммуникативности зла — до его, так сказать, способности заражать других. Затем они перешли к вероятности наличия остаточного зла. Тогда и было решено в исследовательских целях получить допуск в дом Фишера. И они его получили.

— О господи! — схватился за голову Ситон.

— Большую часть времени, как ты и сам, наверное, мог убедиться, это место абсолютно безопасно, — заявил Коуви. — Но на этот раз вышло иначе. И на свое несчастье, группа нашла там именно то, что искала. Не само зло. Оно в тот момент отлучилось из дома.

— Вы хотите сказать, они отлучились?

— Не путай зло с его проявлениями.

— К чертям собачьим! Я буду делать то, что считаю нужным!

— Пол, ты столько лет не практиковался. Впрочем, тебе и не давали.

Ситон с минуту помолчал. В баре было шумно и накурено. На кухне тушили чеснок, и его едкий аромат перекрывал другие запахи: мокрой одежды, потных тел, пива и грязных волос. Вокруг раздавались монотонный гул голосов, звон кружек, смех Ситону пришлось повысить голос, чтобы собеседник мог его услышать.

— Какой именно помощи вы ждете от меня, Малькольм?

— Мне кажется, надо навестить девушку из Уитстейбла, — вздохнул Коуви.

Он потянулся к стоящему в ногах портфелю, вынул из него толстый конверт из плотной манильской бумаги и положил его на столик.

— Тут адрес и тысяча двести фунтов наличными в придачу, а также ключи от машины, стоящей в гараже под железнодорожным мостом. Это за углом, на Геркулес-роуд. Ты ведь психолог и специалист по эмоциональным травмам. В конверте соответствующие документы на твое имя, а также рекомендательное письмо от Британской медицинской ассоциации и еще кое-какие бумаги от попечительского совета больницы Святого Томаса.

— Ее семья не будет возражать?

— Вся ее семья — это брат. И он возражать не будет. Он в полном отчаянии и хочет, чтобы она выжила.

Ситон накрыл ладонью конверт:

— Для начала я хотел бы встретиться с тем преподавателем.

— Так и сделай, — кивнул Коуви. — Ваша встреча уже назначена на завтра, на два часа дня. Ему предъяви те же документы. А после этого сразу отправляйся в Уитстейбл.

— Это значит, что туда я доберусь только к ночи.

— Думаю, ее брат покажется тебе достойным внимания. Судя по тому, что я о нем знаю, вы вряд ли закончите, как теперь принято говорить. Но он парень что надо. В своем роде.

— Ведь я приеду туда затемно.

— По-другому и не получится.

— Уитстейбл, кажется, расположен на побережье? — спросил Ситон.

— Совершенно верно.

Это было уже кое-что. Пол пододвинул к себе конверт, ощупал его содержимое. Ключи, сфабрикованные документы и, разумеется, деньги. Тысяча двести фунтов — по четыреста за каждую юную жизнь. Преподавателя этики в смету не включили — в наказание за то, что отвел их туда. Будто бы деньги могли спасти остальных. Будто бы их жизни можно было просто взять и купить.

— Почему именно девушка из Уитстейбла?

— Твое умение вести душеспасительные беседы, — усмехнулся Коуви, — вряд ли им поможет. Мы оба это прекрасно знаем. Навестить всех означает досадную трату времени, а брат Сары Мейсон может нам кое в чем помочь. Я ведь уже сказал — он парень что надо. И к тому же сейчас не отходит от постели больной сестры.

— Малькольм, но почему я?

— Глупый вопрос, Пол.

— Нет, серьезно: почему я?

— Потому что ты уже сражался с этим. И у тебя есть силы, чтобы сразиться еще раз.

— Я не буду этого делать, — сказал Ситон, отпихнув конверт. — У меня для этого недостаточно сил и знаний. Не стану этого делать!

— У тебя нет выбора, — бесстрастно заявил Коуви. Он сидел, вальяжно развалившись на стуле. Царящий в баре гвалт, похоже, его совершенно не трогал. Небрежно стряхнув пепел на пол, Коуви снова пододвинул к Ситону конверт с деньгами и фальшивыми документами.

— А теперь, — произнес он, сверля Ситона взглядом, — слушай очень внимательно, что я тебе скажу. Каждое мое слово.

3

Через полчаса они расстались на улице под дождем. Коуви втиснулся в такси, а Ситон, оставшись мокнуть, прислонился к распахнутой дверце. Зажмурившись от яркого света в салоне, Коуви кивнул в сторону собора, который находился всего в нескольких футах от паба:

— Страховка?

Ситон покачал головой. Дождь, барабанивший по крыше машины, попадал в глаза, заставляя то и дело моргать.

— Это только испортит все дело. Они могут решить, что это провокация, — ответил он.

— Вы и впрямь считаете, будто они настолько... информированы?

— Боюсь, что так.

Теперь настала очередь моргать Коуви. Впрочем, вид у него был скорее печальный, нежели удрученный.

— Малькольм, мне надо подумать, — сказал Ситон.

— Нет времени, — возразил Коуви, потянув на себя ручку дверцы такси. — Нет времени на раздумья.

Ситон отошел от машины, и такси умчалось, задними колесами разбрызгивая воду. Пол Ситон выпрямился. За этот вечер он уже дважды промок до нитки.

Он лежал в постели, как вдруг услышал тихую музыку, доносившуюся из гостиной за стенкой. Когда он снял эту квартиру, то сразу же купил фланелевое постельное белье и стеганое покрывало, чтобы побаловать себя и почувствовать, как в детстве, тепло родного дома. Он купил их, причем совсем недешево, в универмаге «Арми энд Нейви», а еще мягкие подушки

и толстое одеяло на гусином пуху. Он хотел проводить свои одинокие ночи в расслабленном забытье. До нынешнего дня. Но теперь эта музыка, доносящаяся из гостиной, разрушила все. И простыни жестким саваном облепили его онемевшее тело. Он опять слышал все ту же бесконечную мелодию.

Ситон отсчитал семь минут по светящемуся циферблату наручных часов. Его прошиб холодный пот, и он начал мерзнуть даже в теплой постели. Он узнал эту песню, или, может, ему показалось. А она все звучала и никак не кончалась. Мелодия просачивалась сквозь стенку назойливыми обрывками размытых аккордов и рефренов, звук то усиливался, то вновь затихал. Дверь в гостиную находилась справа. А слева было окно. И если вылезти из постели и раздвинуть тяжелые шторы, то можно было увидеть раскинувшийся внизу ночной город. Оживленный перекресток, а дальше — подсвеченный купол Имперского военного музея, расположенного посреди ухоженного парка с поникшими осенними деревьями. Старожилы по привычке называли его дурдомом. Когда-то в здании музея размещался приют для умалишенных. Но теперь безумие подкрадывалось к Полу справа. Не выдержав, он откинул одеяло, вылез из постели и открыл дверь в гостиную.

Музыка зазвучала громче. Окна не были занавешены, и комната была залита унылым белым светом фонарей, установленных на перекрестке. От проносившихся по улице автомобилей по стенам метались черно-белые тени. А песня все не кончалась, повторяясь до бесконечности, отчего Ситону стало не по себе.

Это была композиция «Tam Lin»^[3] группы «Фэйрпорт конвеншн»,^[4] а исполняла ее ныне покойная Сэнди Денни. Да, этот бесплотный голос, несомненно, принадлежал ей. По крайней мере, надрыв и хрустальные речитативы были характерны для поздней Сэнди Денни. Ситон мог слышать бодрые выкрики и посвистывание музыкантов. Фэйрпорты — или их двойники, — как и положено, жарили на всю катушку, выделявая виртуозные пассажи на скрипке, неистово терзая гитары и мандолины и не жалея ударных. Но было за этим кое-что еще — некий диссонанс, посторонний шум, похожий на треск разрываемой ткани или придушенный злорадный смешок.

Ситон тяжело опустился в кресло и принялся рассматривать плеер,

валяющийся на полу у стены. Вилка была по-прежнему выдернута из розетки и лежала там, где он бросил ее несколько недель назад после неудачной, закончившейся слезами попытки послушать «Эдем». Когда он покупал плеер на блошином рынке, в нем не было батареек, и Пол мог поклясться чем угодно, что и сейчас их никто туда не вставлял. Плеер работал сам по себе — не горела даже красная лампочка, говорящая о том что аппарат включен в сеть. Восставший из гроба дух Денни пел, а музыканты из ее группы тянули за исполнительницей ту же мелодию. Ситон вспомнил престарелую пару, торгующую всяким старьем и антикварным хламом в лавчонке на Лоуэр-Марш-стрит. Они-то и продали ему плеер. Самые обычные люди — в этом Ситон не сомневался. Самые обычные люди, зарабатывающие себе на хлеб безобидной коммерцией.

Он встал и нажал кнопку перемотки, чтобы прослушать запись на другой стороне, хотя отлично понимал, что никакой кассеты в плеере не было. После паузы послышался смех, и кто-то свистящим шепотом произнес его имя, а затем повторил еще раз, словно пытался донести до него смысл шутки из серии «черного юмора». Потом все смолкло, слышалось только шипение несуществующей записи. Но Ситон уловил чей-то разговор, в котором узнал обрывок своей недавней беседы в «Занзибаре» с Малькольмом Коуви. За ним опять последовал злорадный смех и тот же звук вроде треска разрываемой ткани. Кто-то передвигал тяжелую мебель, пронзительно елозил тонкими ножками стула по полированному паркету.

Ситон нажал на «стоп», и наступила оглушительная тишина. Он открыл крышку магнитофона, кассеты там не было. Он встал и направился было на кухню, чтобы налить стакан воды из-под крана, но услышал, как крышка за его спиной резко захлопнулась. Призрак Сэнди Денни, вернув себе голос, вновь запел «Tam Lin» — на этот раз без музыкального сопровождения. Только теперь в пении появились какие-то мерзопакостные нотки.

— Хорошая шутка, — нарочито громко произнес Ситон. — Правда, чувствуется домашняя заготовка.

Пение прекратилось. С минуту все было тихо, а потом Ситон вдруг ощутил, как содрогнулась ночная тьма от одинокого удара соборного колокола, эхом разнесшегося над мокрыми зданиями. Затем все стихло. Пол взглянул на часы: четырнадцать минут второго. Да, время для благовеста явно неподходящее.

Ситон понимающе кивнул. Удар колокола уже никак нельзя было отнести к домашним заготовкам. Интуиция подсказывала Полу, что они специально все это затеяли, чтобы потешить свое самолюбие. Ситон понимал, что на таком расстоянии они не могут причинить ему вред, по крайней мере физический. Но его покой был нарушен, и если они намеревались лишить его душевного равновесия, то им это вполне удалось.

Ситон прошел на кухню, налил стакан воды, выпил, затем вернулся в спальню и снова улегся в постель. И все же он опасался, что томительная мелодия вдруг снова оживет в плеере. Беспокоило его и то, что соборный колокол своим металлическим голосом вновь может нарушить ночную тишину, вопреки календарю и времени суток вызывая молитву к Пресвятой Богородице. Но сейчас Ситон был далеко от дома Фишера. К тому же те три студентки философского факультета и их идиот наставник заслуживали гораздо большего внимания, чем он. Итак, Пол лежал в кровати и безуспешно пытался заснуть. Он долго ворочался с боку на бок, прежде чем сон неохотно принял его в свои объятия. Засыпая, Ситон видел из окна спальни отблески огней, отражавшихся от крыши его многоэтажки. Кто-то зажег свет в жилом флигеле собора. Наверное, это проснулся настоятель или священник. А может, и сторож. Звонаря они, естественно, не обнаружат. Если только им очень сильно повезет.

Когда Полу было лет двенадцать-тринадцать, они с матерью жили в доме на северной окраине Дублина, где снимали два этажа. Для матери это был самый тяжелый период после развода с отцом. Душевные раны она лечила лошадиными дозами валиума поэтому постоянно спала прямо на ходу. Оставленный без присмотра обед выкипал на плите, огонь в камине горел как хотел, вода для купания сыновей переливалась через край ванны...

В тот самый вечер мать прилегла на диван и заснула как убитая. Пол не возражал: телевышка, установленная на севере Пеннинских гор на Винтерхилл, позволяла им принимать английские каналы. Благодаря матушкиной сонливости он мог смотреть непристойности вроде «Возьми трех девчонок» или «Внутренние дела». Последнее представляло собой сериал с таким количеством женской обнаженки, что на школьной спортплощадке его обсуждали с благоговейным ужасом.

Украдкой взглянув на мать, Пол подобрался к телевизору и включил его. «Гранада» и Би-би-си-2 предоставляли широкий выбор обнаженной натуры

на любой вкус Он услышал, как по лестнице крадучись спускается его младший братишка Патрик. По «Гранаде» показывали какой-то документальный фильм о беспорядках на Севере, на Би-би-си уже заканчивал свою болтовню обозреватель погоды.

— Именно то, что мне нужно, — шепнул за его спиной Патрик. — Я точно быстрее засну, если буду знать, что в Восточной Англии будет хорошая погода.

— Тише! — шикнул на него Пол.

Они вместе устроились в кресле напротив телевизора, тесно прижавшись другу к другу. Пол по привычке положил руку братишке на плечо, и оба замерли в предвкушении зрелища.

Передача называлась «The Old Gray Whistle Test». И в тот вечер мальчики увидели нечто такое мерзкое, что ни в каком телешоу не увидишь. Музыканты группы оделись на манер средневековых менестрелей в остроконечные колпаки с бубенчиками, шутовские камзолы и вязаное трико. Когда они двигались, принимая разные позы, то напомнили Полу гротескных персонажей Иеронима Босха с иллюстраций в школьном учебнике истории. Песня, которую они исполняли, называлась «Tam Lin». Но Пол тогда еще этого не знал. Сатанинская группа выступала так, словно в них вселились злые духи. По мере того как певица пела куплет за куплетом, их исполнение становилось все более и более разнузданным. Ее голос, однако, вызывал в воображении вовсе не тот мир, который создал на своих картинах фламандский живописец. Это был мир древней Англии с ее друидами и страшными заклятиями. Поистине колдовское песнопение, пробуждающее к жизни Зеленого Джека,^[5] и мстительных эльфов, и Джона Ячменное Зерно, и потерянные души, оглушающие страшными воплями туманные болота в лесной глуши.

Увиденное и услышанное в том телешоу потрясло юного Пола. Он, испуганно прижимаясь к брату, смотрел на серый экран, который казался ему тусклым окном в уродливый мир магии.

Только через восемь или девять лет Ситон снова услышал в Тринити^[6] ту же песню и смог наконец осознать, что же он тогда видел. Как выяснилось, группа называлась «Фэйрпорт конвеншн». Почти все музыканты в ней

были родом из Северного Оксфорда,[\[7\]](#) а вокалисткой они взяли девушку из Уимблдона. Ее звали Сэнди Денни. В группе были также гитарист Ричард Томсон и скрипач Дейв Сворбрик. Выступление музыкантов в «The Old Gray Whistle Test» потрясло впечатлительного мальчугана, пробудив в нем самые дикие фантазии, которые прочно засели в его памяти.

Пол так и не удосужился спросить у Патрика, который был на два года младше его, что тот вынес из просмотра. Впоследствии в разговоре Пол намеренно обходил эту тему. Он хорошо помнил, как в тот вечер они выключили телевизор, накрыли маму пальто и подложили ей под голову подушку, а потом тихонько прокрались наверх, в свою спальню, где улеглись вместе на единственной кровати.

Теперь, лежа в темноте в собственноручно обустроенном гнездышке в Ватерлоо и слушая шум дождя за окном, Пол думал о том, что тогда-то все и началось. Да, это и было началом. Не дом Фишера и не связанные с ним события, а это самое. Именно «Tam Lin» много-много лет назад разбудил в нем страх, который в конечном итоге и был причиной всего этого ужаса.

— Приятно, что вы об этом не забыли, — уже проваливаясь в сон, громко произнес Ситон.

Конечно, пиво, выпитое за разговором со словоохотливым Малькольмом Коуви, придало ему храбрости, но вся его бравада была чисто напускной. На самом деле Ситона приводило в ужас, что они всегда шли на шаг впереди. С самого начала они знали буквально все, каждую мелочь. Над его головой, в мелких лужицах на плоской крыше многоэтажки, явно кто-то шебаршился. Может быть, это скрежет когтей какого-нибудь залетного демона, но, скорее всего, просто ворона или вышедший на охоту одичавший кот.

«Да, скорее всего», — подумал Ситон и провалился в сон.

4

На следующее утро в половине десятого Ситон мирно пил кофе в открытом кафе на Кеннингтон-роуд, радуясь, что сегодня суббота. Выходные он полностью посвящал отдыху, стремясь максимально упростить свою жизнь, свести ее к набору привычек и формальностей, отрицающих любые усилия и, вообще, мало-мальскую работу мысли. Но теперь, после вмешательства Коуви, жизнь снова невероятно усложнилась. Она может стать гораздо более опасной, но, к своему удивлению, Ситон был заранее к этому готов. Преследуемый страхом, он отсиживался в своей норе долгие месяцы и годы, и возможность перейти к активным действиям принесла даже облегчение. Проснувшись на рассвете и с ужасом вспомнив о балагане, устроенном его плеером, Пол подумал о том, что если осуществит задуманное, то вряд ли останется в живых. С горечью в душе он признал, что в любом случае ему нет смысла жить. По крайней мере, такая жизнь ему не нужна. И даже если он сбежит от проблем, это ничего не изменит.

Кафе было итальянским и называлось «У Пердони». Оно имело два входа. Перед ними на тротуаре выстроились блестящие ряды металлических стульев и столиков. За одним из них и устроился Ситон, чувствуя под ногами мокрую после ночного дождя плитку. Красные кожаные банкетки внутри кафе были заняты в основном таксистами. Иногда в кафе попадались случайные туристы, только что сошедшие с поезда «Евростар».

[8] Через дорогу находилось угрожающего вида строение из стекла и кирпича — Кеннингтонский полицейский участок, а слева от него — станция подземки Ламбет-Норт. Справа виднелась черная решетка, ограждающая территорию Военного музея, за ней — деревья с поредевшей листвой. К Пердони заглядывали посетители музея — в основном немцы, голландцы и бельгийцы. Они сидели над опустевшими чашечками эспresso и курили сигарету за сигаретой, к явному неудовольствию таксистской братии. Разумеется, таксисты тоже курили, но, перекусив и перекинувшись парой слов, они возвращались к своим машинам. К тому же, в отличие от туристов, они курили словно исподтишка, пряча в кулаке мятые хабарики.

Утреннее небо было ярко-синим с прожилками облаков. Синева эта, конечно, радовала глаз, но глубина и безмятежность холодного неба напоминали о неумолимом наступлении осени, когда тепла и солнечного света становится все меньше и меньше. Только что отпраздновали Хеллоуин, и в газетной лавке через несколько домов от кафе еще пытались со скидкой продать залежавшийся товар: перчатки для оборотней и остроконечные шапки. В последние годы британцы вошли во вкус отмечать Хеллоуин, и ребяташки, кто в масках вампиров, кто в костюмах скелетов или оборотней, старательно подражали своим американским сверстникам, пугая соседей. Своим размахом праздник грозил превзойти даже ночь Гая Фокса[9] — если уже не превзошел. Ситон только грустно улыбался при мысли, что в сознании людей канун Дня всех святых[10] — это только хороший предлог для детей ходить по чужим домам и кланчить конфеты. Пол, однако, не разделял их энтузиазма. Он своими глазами видел вампиров и знал, что магию можно использовать в личных целях. Он знал и то, что в мире есть люди, настолько жадные до денег и власти, что готовы с риском для жизни вновь и вновь окунаться в ее темные, безжалостные глубины.

Впрочем, об этом лучше не думать. Гораздо приятнее наблюдать за психологической войной между таксистами и иностранцами. Ситон украдкой посмотрел в окно кафе. Воинственно позвякивая латунными жетонами, водилы дружно склонились над тарелками с дымящимся жарким и кружками со сладким чаем. Бледнолицые туристы демонстрировали полную безучастность. Они все как один были в очках в тонкой черной оправе и явно предпочитали темную одежду — несомненно, с лейблами известных фирм. Перед походом в музей они настраивали свои дорогостоящие видеокамеры, вынимая их из кожаных рюкзачков с тисненными логотипами. Владельцы рюкзачков то и дело поглядывали на шикарные наручные часы, сверяя время. И непрерывно курили.

Несколько поодаль от этой шикарной группы сидела чрезвычайно эффектная пара. Оба — и мужчина, и женщина — были очень высокими и на редкость стройными. Можно было даже сказать, что они обладали какой-то особой — бестелесной — красотой. На губах у женщины была черная помада, окрасившая фильтры бесчисленных окурков в пепельнице на столике перед ними. Что-то в этой паре заинтриговало Ситона. Он вдруг поймал себя на том, что разглядывает их в упор. Но и они, в свою очередь, столь же бесцеремонно пялились на него сквозь стекло. Затем мимо

прогромыхал грузовик, да так, что задрожало окно. На мгновение картинка внутри кафе расплылась, размазалась, и Ситон отвернулся.

Дома Пол побросал кой-какие вещи в дорожную сумку и пешком дошел до гаража, расположенного под железнодорожным переходом на Геркулес-роуд. В переданном Коуви пухлом конверте Ситон нашел ключ от гаража, а по вложенному туда же ключу от машины понял, что ему предстоит вести «сааб». Автомобиль был практически новый, черного цвета, без единой царапины, а по его коврикам и внутренней обивке явно прошлись пылесосом. Бак был залит доверху, а маршрут Пол изучил по дорожному атласу еще утром, когда сидел за столиком на террасе кафе.

Он уже давненько не садился за руль, но накануне вечером, в баре с Коуви, практически не пил. К тому же Пол считал, что вождение — это тот навык, который утратить невозможно. Но без неприятных моментов не обошлось. Это случилось на трассе А-3. Когда слева замаячила громада Гилфордского кафедрального собора, радиоприемник в «саабе» вдруг ни с того ни с сего включился. Ситон испуганно покосился на зеленые лампочки на приборной доске, и руль в его руках непроизвольно дернулся. Машину резко занесло влево, и сзади тут же раздался пронзительный гудок. В зеркале заднего вида Пол увидел грузовик, с которым чудом не столкнулся.

Ситон выровнял руль внезапно вспотевшими руками, чувствуя, что сердце готово выскочить из груди, и уже приготовился к тому, что из динамиков вот-вот польется холодноватый, хриплый голос Сэнди Денни, исполняющей «Tam Lin». Однако он услышал абсолютно незнакомую композицию на совершенно безобидной радиоволне с бессодержательной болтовней ведущего о погоде, или о своей жене, или еще о каких-то пустяках, забивающих музыку, которая вскоре и вовсе пропала из эфира из-за слабого сигнала. Вероятно, радио включалось автоматически, каким-то электронным устройством в приборной доске. Вот оно-то сейчас и сработало. Скорее всего, тот, кто пользовался машиной до Ситона, просто-напросто запрограммировал приемник. Ситон нажал кнопку «стоп», и музыка вместе с разговорами оборвалась. Его пульс понемногу пришел в норму.

Университет представлял собой группу новых зданий, частично деревянных, с внушительными окнами из тонированного стекла. Между зданиями были проложены дорожки, посыпанные гравием, и широкие

аллеи со старыми деревьями. Университет стоял на склоне холма. И чем выше поднимался Ситон, тем гуще росли деревья. Венчали холм административное здание и часовня. Внешний вид последней удивил Ситона. Похоже, что часовня существует на деньги либо американцев, либо католиков. За время пути в Суррей лондонское безоблачное небо сменила унылая ноябрьская послеобеденная хмарь. Ситон взглянул на небо — низкая серая туча над ним налилась непролитым дождем. Он шел по тропинке, и более крупный, чем обычно, гравий хрустел под ногами. Галогеновые лампы, установленные на деревьях через небольшие промежутки, ярко горели, и Ситон был только рад дополнительному освещению. Машину ему пришлось оставить у подножия холма, а факультет гуманитарных наук находился ближе к вершине. Подъем становился все круче, и Ситону стало тяжело дышать. Тропинка постепенно сузилась, лес стал еще гуще, и дневной свет уже не проникал сквозь хрусткую бурую осеннюю листву. Да, галогеновые лампы были здесь весьма кстати. Ситона особенно порадовал их ровный холодный свет, когда ему почудилось, будто слева от тропинки, за стеной сомкнутых стволов, следом за ним идет какой-то крупный зверь. Подбирается все ближе, приминая пожухлые листья и мокрую траву, продираясь сквозь кусты и заросли папоротника. Пол остановился, и все стихло. Ситон слышал только собственное тяжелое дыхание и шуршание капель в кронах деревьев: похоже, начинался дождь. Впереди поблескивали окна корпуса факультета гуманитарных наук — пункта его назначения.

Ситон огляделся, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Ливень усилился. С крон уже не просто капало, а водопадом лилась вода. Пол подумал, что и суток не прошло, а он уже в третий раз промокает до нитки. Подумал он и о том, что лес на холме намного старше университетских зданий, прекрасно вписывающихся в мрачный пейзаж. Ситон постоял под дождем, ожидая, не зарычит ли снова неизвестный хищник. Прошло пять минут: он специально засек время. Темнело, но кругом все было тихо. Тогда Ситон снова двинулся вверх по тропинке. Его ждала встреча с Эндрю Кларком, преподавателем этики. Пол не хотел опаздывать, хотя и не сомневался, что у профессора Кларка никаких важных встреч больше не назначено. Суббота, в конце концов. А суббота в учебных заведениях — выходной день.

Деревянные части здания поросли мхом. Его мягкая темная зелень густо устлала подоконники, облепила каменное обрамление главного входа.

Внутри пахло плесенью. Едва стеклянная дверь за Ситоном захлопнулась и он оказался в холле с моргающими флуоресцентными лампами, как сразу почувствовал легкий гнилостный запах. Пол чуть замешкался, гадая, в какую сторону идти, чтобы отыскать пресловутого этика. В уходящем в темноту длинном коридоре было пусто. Ситон двинулся вперед, на ходу заметив, что двери кабинетов по обе стороны коридора пронумерованы, но без табличек с именами. Запах плесени усиливался. Ситон набрел на две двери с обозначением «WC» и символическими мужской и женской фигурками. Он направился в мужскую уборную.

Фаянсовые писсуары тут и там обметала плесень, капающие медные краники над раковинами были поражены грибком, а зеркала были покрыты черными пятнами. Все это Ситон рассмотрел в скудном освещении аварийной лампочки, торчащей из штукатурки над дверью. Лампы дневного света здесь почему-то не горели. Он спокойно справил нужду, неторопливо вымыл руки и вытер их бумажным полотенцем из диспенсера. Бумага на ощупь казалась пыльной. Наибольшее отвращение у него вызвали зеркала над раковинами, выстроившимися у стены. Возникало почти непреодолимое желание в них посмотреться. Войдя, он ненароком взглянул в одно из них и в его темной глубине уловил как будто мимолетную ухмылку. Да, играть в гляделки со здешними зеркалами слишком опасно.

Ситон скомкал в руке бумажное полотенце и хотел бросить его в прикрученную к стене урну. Но не попал. Он уже взялся было за ручку двери, как вдруг услышал в одной из кабинок сдавленный смешок. Оказалось, что кабинка заперта изнутри, и только теперь Ситон почувствовал, как сильно в туалете пахнет ароматным табаком — очевидно, турецким или египетским. Пол наклонился и заглянул под дверь кабинки, где обнаружил ноги в начищенных кожаных ботинках. От ботинок поднимались вверх надетые с напуском архаичные серые холщовые гетры. В тусклом свете аварийной лампочки Ситон разглядел также ряды мелких пуговиц на туго обтянутых щиколотках. Затем одна нога поднялась, явив взору кожаную подошву башмака, и топнула об пол. Обитатель кабинки вновь фыркнул.

— Моя взяла, — послышался раскатистый голос.

Ситон выпрямился и покинул уборную, стараясь по возможности не терять

самообладания.

Кабинет преподавателя этики он обнаружил в самом конце коридора. Профессор Кларк сидел за письменным столом. На книжных полках стояли фолианты с его фамилией на корешках и кое-какие фотографии, где он был запечатлен на официальных мероприятиях, облаченный в академическую мантию. На столе горела лампа Колмана, и в ее ровном ярком свете тени в кабинете казались еще глубже. Блики света играли и на стеклах очков профессора, и поэтому по глазам невозможно было ни прочитать его мысли, ни понять его настроения. Судя по тронутой сединой шевелюре и бакенбардам, ему было хорошо за пятьдесят. Вид у профессора был помятый, изможденный — совсем не такой, как на фотографиях. Ситону было его искренне жаль. За окном открывался вид на темные стволы деревьев. Профессор откашлялся, встал, подошел к окну и в задумчивости посмотрел во двор.

— Известно ли вам, мистер Ситон, что в Суррее произрастает больше деревьев, чем в любом другом графстве Англии?

— Нет, профессор. Этот факт мне неизвестен.

— Ирландский акцент. Вы из Дублина?

— Из Дублина. Правда, родился я в Брее. Это к югу от Дублина, на севере графства Уиклоу.

— На побережье.

— На побережье.

Профессор кивнул. Он все так же, не отрываясь, глядел в окно.

— В Суррее, конечно же, никакого моря нет. Нет ни солончаков, ни береговых ветров. Что, возможно, объясняет плотность древесного покрова.

Ситон промолчал.

— Этот лес на холме вырос задолго до основания здесь университета и, думаю, намного его переживет. Вы со мной согласны?

— Вполне возможно, профессор. Я бы даже сказал, вероятность этого не подлежит сомнению.

— Энтропия, — объяснил Кларк.

— Что-что?

— Вчера приходили рабочие с брандспойтами. Их обычно используют, чтобы смывать граффити со стен. Но здесь они нужны для очистки учебных корпусов от мха. В последнее время приходится все чаще их отскребать. А к утру мох снова вырос.

Ситон сидел, оперевшись локтями в колени. Он устал изучать профессорскую спину и принялся разглядывать свои руки.

— Каждый день приходит электрик. Каждый день уборные надраиваются и дезинфицируются. И все впустую. Энтропия, мистер Ситон. Поломка матрицы. Погружение в хаос.

Ситону было слышно, как потрескивают, моргая, флуоресцентные лампы в коридоре.

— Это не энтропия, профессор.

Профессор Кларк отвернулся от окна и, сняв очки, в упор посмотрел на Ситона. В свете лампы Колмана его глаза казались невероятно синими, а взгляд, как отметил про себя Ситон, слишком бесхитростным для человека, преподающего этику.

— С деревьями что-то не так, — предположил Кларк. — И в самом здании, наверное, есть что-то такое. А может, все это мне просто кажется?

— Боюсь, куда серьезнее.

— Вы боитесь... — проронил профессор, снова сев за стол.

— Что на вас нашло, когда вы повели их в дом Фишера?

— Вы можете мне помочь, мистер Ситон? Хоть кому-нибудь из нас? Вы похожи на священника. По крайней мере, на киношный образ священника. Этакий суровый мыслитель-богоборец, несущий пламя своей веры, которое вспыхивает еще ярче в оптимистическом финале картины.

«Да он же пьет! — догадался Ситон. — Скорее всего, водку».

Запах спиртного Пол, впрочем не почувствовал. Все, надо уходить. Здесь ему делать больше нечего.

— Нет, профессор Кларк, я не священник.

— Но вы католик.

— Это не слишком помогает, — улыбнулся Ситон.

— Вы все же живы. А вы туда тоже ходили.

Глядя на обреченного человека, стоящего перед ним, Ситон повторил вопрос:

— Что заставило вас отвести туда этих девушек?

— Приглашение, разумеется, — ответил Кларк. — Я повел их, потому что нас туда пригласили.

Ситон помолчал, пытаясь переварить услышанное.

— Могу я узнать, кто именно вас пригласил?

— Питер Антробус. Аспирант философского факультета. По крайней мере, он так отрекомендовался. Но мне кажется, имя это вымышленное, и корочки у него были такие же фальшивые, как и те, что вы мне только что предъявили.

Эти слова заставили Ситона снова опуститься на стул.

— Расскажите мне все, профессор. Начните с самого начала. Я хочу услышать от вас все, что вы знаете об этом самом Питере Антробусе. И я непременно услышу. Вы, конечно, пьяны, но все же не настолько забыли

этику, чтобы не понять: вы в моральном долгу перед теми девушками.

Ситон посмотрел на часы. Ему совсем не улыбалось шагать в темноте по хрустящему гравию университетских дорожек. И вообще, ему хотелось оказаться сейчас подальше от этого места до наступления сумерек. Он не хотел идти на риск еще раз столкнуться с обладателем гетр. За окном из низкой иссиня-черной тучи не переставая лил дождь. Но было всего два часа дня. Ситон поудобнее уселся в кресле, и профессор начал свой рассказ.

5

Дорога на Уитстейбл вела почти прямо на восток, и Ситон двигался навстречу ночи, оставляя позади закат, слабо пробивающийся сквозь облачность и отражающийся в зеркалах заднего вида Восточнее Уэстерхэма, в нескольких милях от него, проходила трасса М-25. Свернув на нее, можно было бы влиться в поток спешащих за город на выходные машин и до самого Боксли ехать на приличной скорости. Но Ситон предпочел добираться проселочными дорогами. Дождь все не переставал, но электроника приборной доски хотя бы не преподносила больше неприятных сюрпризов.

Поездка Уитстейбл сулила Ситону сомнительное удовольствие. Девушку, совершившую попытку самоубийства, звали Сара Мейсон, ей было девятнадцать. И отец, и мать у нее умерли, а ближайшим родственником был брат Николас. Как-то связанный с армией, он взял отпуск по семейным обстоятельствам для ухода за сестрой. Сейчас она находилась в родительском доме, перешедшем в собственность Николаса. Здание в викторианском стиле ничем не выделялось из точно таких же, выстроившихся вдоль городского пляжа под названием «Гребень волны».

Ник Мейсон был искренне рад встретиться со специалистом по душевным травмам из Лондона. Но не у себя дома. Он готов был проконсультироваться с Ситоном, доверив наблюдение за сестрой опытной сиделке. С психологом из Лондона он решил встретиться в «Доспехах Пирсона» — ресторанчике, славящемся блюдами из морепродуктов в городе, славящемся добычей этих самых морепродуктов. Мейсон нанял трех сиделок, обеспечивавших сестре круглосуточный квалифицированный уход.

— В каких войсках он служит? — поинтересовался Ситон у Коуви.

— Это мне выяснить не удалось, — ответил тот. — Что, как мне кажется, уже говорит само за себя.

Впрочем, по дороге в Уитстейбл голова Ситона была занята не крабами и

омарами и даже не вопросами ведения тайных войн в духе «плаща и шпаги». Он вспоминал рассказ, услышанный в унылом кабинете профессора Кларка, где тот пытался спастись от плесени и перебоев с электричеством. Сидя за рулем «сааба», Ситон снова и снова прокручивал в уме услышанное.

Питер Антробус был тридцатичетырехлетним аспирантом, писавшим докторскую диссертацию по философской этике. Благополучно получив степень бакалавра, он катился вперед по академическим рельсам, щедро смазав их финансовой независимостью. Благодаря этому Антробус мог учиться, не гоняясь за стипендиями и не участвуя в мышинной возне вокруг получения грантов. Напротив, его сотоварищи поговаривали о крупном пожертвовании, внесенном его родителями в фонд университета. Старинное происхождение их капитала позволяло им потворствовать увлечению сына чисто абстрактной наукой и не считать его занятия пустой тратой времени и пренебрежением карьерными возможностями.

Единственной проблемой стал категорический отказ Питера поселиться в студенческом общежитии. Кларк честно признался Ситону, что причина такого упрямства была, скорее всего, тоже финансового свойства. Университет взимал со студентов плату за проживание на своей территории, заведомо завышенную по сравнению с расходами на их содержание. Порядок был строгий, и предприятие приносило сказочную прибыль. Как только Антробус вник в суть дела, он предложил администрации дарственный взнос, равный годовой сумме за проживание. И все получилось. Питер вместе с подружкой обосновался в заброшенном каретном сарае, стоящем на перекрестке дорог в двух милях от университета.

Они оба были стройные и очень бледные, с одинаковыми светло-русыми волосами, оба предпочитали одеваться в черное. На неискушенный взгляд профессора, их гардероб состоял из стильных и явно дорогих вещей. Профессор Кларк постоянно видел Марту и Питера вместе, и это его ничуть не удивляло.

Однажды, один-единственный раз, они пригласили его на вечеринку в свою компанию. Парочка беспрерывно курила и пила абсент, но почти не притрагивалась к холодным закускам, которые они приготовили сами. Стоял февраль, и в каретном сарае было зябко и неудобно, но еще более

невыносимым показалось Кларку демонстративное сладострастие хозяев. Они вполне могли бы сойти за брата и сестру, если бы не держались постоянно за руки и то и дело не лизались. Профессор рассказал Ситону, что они поставили музыку, чтобы потанцевать, но все танцы свелись в результате к откровенным обжиманиям, совсем как у подростков в темном кинозале.

— В тот вечер они вели себя неподобающе. И это еще мягко сказано.

— А какая была музыка?

— Для их возраста несколько старомодная, — чуть подумав, ответил профессор.

— А более конкретно? — настаивал Ситон.

— Фортепианные пьесы. Рэгтайм.

— Рядом с каретным сараем есть какой-нибудь водоем?

— Ни рек, ни ручьев. Ничего такого, — снова порылся в памяти Кларк.

— Значит, воды там совсем нет?

— Проточной воды нет, — пояснил профессор. — Но есть пруд.

Ситон кивнул.

— Это имеет какое-то значение?

— Прошу вас, профессор, продолжайте. Простите, что перебил.

Профессора больше всего поражало отношение Питера Антробуса к нравственности. Преподаватель этики рассказал, что Антробус подходил к этому предмету, совсем как только что научившийся ходить ребенок ковыляет ко взведенной ручной гранате. Питера тоже снедало любопытство, при этом он был начисто лишен каких-либо предрассудков и страхов. Похоже, ему ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с принципами, регулирующими и ограничивающими поведение человека в обществе. Выходит, его никто никогда не обижал, а не испытал хоть

однажды таких переживаний, невозможно усвоить урок сострадания к чужой боли.

— Будто он никогда и не родился, — пробормотал Ситон.

Он сидел за рулем «сааба» и, спеша навстречу сумеркам по дороге в Уитстейбл, то и дело нажимал на газ, чтобы прибавить скорости.

Антробус представил Кларку смелое эссе о контагиозном свойстве зла. Вопреки ожиданиям, речь в нем шла вовсе не о демагогии и не о харизматических лидерах, способных сподвигнуть своих последователей на стихийные проявления жестокости во имя религиозных или политических идеалов. Там ни слова не говорилось ни о гонениях, ни о погромах. Вместо этого Антробус взялся отстаивать мнение, будто на Земле существуют особые места, заражающие определенных людей недугом, воспринимаемым социумом как Зло. Он назвал таких людей случайными жертвами инфицирования. При этом Антробус указывал совершенно конкретные адреса. Так, он упомянул частное владение в Чикаго и одно палаццо в Венеции. Атмосфера, царящая на отдаленной горнолыжной базе в Тирольских Альпах, была воспроизведена настолько правдоподобно, что у профессора мурашки бежали по спине, пока он читал описание событий, некогда там происходивших, если верить Антробусу. В мортирологе зловещих адресов оказались и два британских: один — в трущобах Глазго, а другим, разумеется, был дом Фишера.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)